

Миссионерство

Священник Димитрий Долгушин

К биографии архимандрита Макария (Глухарева), основателя Алтайской Духовной Миссии

I

В 2007 г. исполнилось 215 лет со дня рождения и 160 лет со дня блаженной кончины основателя Алтайской Духовной Миссии архимандрита Макария (Глухарева; 1792—1847)¹, жизнь и труды которого составляют одну из ярких и интересных страниц истории Русской Православной Церкви и русской культуры XIX века.

Архимандрит Макарий (в миру — Михаил Яковлевич Глухарев) родился в семье священника в г. Вязьме Смоленской губернии. Начальное образование он получил в местном духовном училище и в Смоленской Духовной Семинарии, а в 1814 г. был зачислен в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Ее ректором был тогда архимандрит Филарет (Дроздов) — будущий московский митрополит. Он стал для Михаила Глухарева руководителем и в учении, и в духовной жизни. Закончив Академию со степенью магистра, будущий миссионер исполнял ряд должностей в Екатеринославской и Костромской семинариях. В 1818 г. он принял монашеский постриг с именем Макарий и затем — священство. В 1825 г. архимандрит Макарий по его просьбе был уволен на покой в Киево-Печерскую Лавру, а в 1826 г. перебрался в Глинскую пустынь. Отсюда он в 1829 г. и отправился в Сибирь для совершения того, что стало главным делом его жизни — апостольского служения среди язычников-алтайцев.

¹ Прославлен Русской Православной Церковью в лике местночтимых сибирских святых в 1984 г., для общецерковного почитания — на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года.

**Основатель Алтайской Духовной Миссии
архимандрит Макарий (Глухарев; 1792–1847)**

Протоиерей Г. В. Флоровский не зря называл миссионерские труды архимандрита Макария и его сподвижников «одним из героических и святых эпизодов в нашей истории» [1. С. 189]. Тринадцать лет, проведенные архимандритом Макарием на Алтае, были наполнены миссионерскими поездками, заботами о новообращенных христианах (архимандрит Макарий старался помогать им и материально), трудами по переводу Священного Писания на алтайский язык. Результатом этих самоотверженных трудов стало обращение ко Христу многих алтайцев, а также создание Алтайской Духовной Миссии, сотрудники которой продолжили дело архимандрита Макария.

В 1843 г. архимандрит Макарий по состоянию здоровья оставил Миссию и был назначен настоятелем Троицкого Болховского Оптиного монастыря¹ (вступил в эту должность в 1844 г.). Здесь, в небольшом городе Болхове, продолжилась его пастырская деятельность. «Со свойственным ему жаром и любовью принялся он проповедовать в церкви, растолковывать народу слово Божие и молитвы, назидать богомольцев у себя в келлиях, раздавать пособия нищим и калекам, утешать скорбящих, мирить враждующих и особенно, как и на Алтае, учить детей. Молва о новом, необыкновенном настоятеле быстро разнеслась по городу и окрестностям, со всех сторон последовал громадный наплыв народа в Болховский монастырь ежедневно. Шли туда и старые, и молодые, мужи и жены, девицы и дети, священники, чиновники и простые. С утра и до вечера толпился в монастыре народ: тот приходил за советом, другой за утешением, третий за наставлением к о. архимандриту Макарию. И всех он принимал одинаково радушно, со всеми беседовал, всем проливал отрадный мир в душу. <...> Влияние его неотразимо действовало, когда он обращался к кому-нибудь со словом вразумления. Никакое слово его не пропадало даром, редко не отзывалось в слушателях слезами умиления и неудержимых вздохов»² [4. С. 21–22].

Пастырские труды архимандрита Макария в Болховском монастыре являлись, по сути, старческим служением, а сам он был одним из носителей благодатной традиции старчества. Традиция эта возродилась в России начала XIX века благодаря преподобному Паисию Величковскому и его ученикам. Архимандрит Макарий прошел школу старчества, руководствуясь в духовной жизни у святителя Филарета (Дроздова); в 1821–1824 гг. в Екатеринославе — у ученика преподобного Паисия

¹ Не путать (как это иногда делается, см. [3. С. 386]) с расположенной неподалеку Введенской Оптиной пустыней.

² О силе слова и даре проповеди архимандрита Макария сохранилось множество свидетельств (см. [17. С. 80–84]). Одно из них принадлежит Н.В. Гоголю, который близко общался с архимандритом Макарием, когда тот, будучи проездом в Москве, занимался Законом Божиим с его сестрами: «К счастью моему, сюда приехал архимандрит Макарий — муж, известный своею святою жизнью, редкими добродетелями и пламенною ревностью к вере, — писал Н.В. Гоголь матери в 1841 г. — Я просил его, и он так добр, что, несмотря на неименье времени и кучу дел, приезжает к нам и поучает сестер моих великим истинам христианским. Я сам по нескольким часам останавливаюсь и слушаю его, и никогда не слышал я, чтобы пастырь так глубоко, с таким убеждением, с такою мудростью и простотою говорил» [2. С. 134].

Мой Бог! мой Царь! О-
тец! Спаситель Даровой!
Пришел немалый
дело! Наду передь Тобой!
Еще я казнил! Но
дух Тобой трепещет!
Зрю! свотитъ Герасий
лучь! Зарь безсмертъ
блещетъ.

**Стихотворение архимандрита Макария, написанное им накануне кончины.
Автограф**

Величковского старца Ливерия. Три с половиной года будущий миссионер провел в Глинской пустыни, пользуясь окормлением игумена Филарета (Данилевского), который тоже был преемником преподобного Паисия по благодати¹. В основу своей миссионерской деятельности архимандрит Макарий также положил традиции старчества (см. [5. С. 26–27]).

В Болхове архимандрит Макарий продолжил и другое дело своей жизни — перевод Ветхого Завета с древнееврейского на русский язык. Труды над этим переводом он начал еще на Алтае. Царствование императора Николая I не благоприятствовало подобной работе. Тем не менее, архимандрит Макарий несколько раз присылал из Сибири на Высочайшее имя и в Комиссию Духовных Училищ при Святейшем Синоде выполненные им переводы, а также письма, в которых горячо

¹ Через своих духовных наставников, учеников преподобного Паисия, архимандрита Феодосия и иеросхимонаха Василия (Кишкина).

доказывал необходимость перевода Библии на «живое разговорное наречие». Эта деятельность алтайского миссионера не нашла сочувствия и поддержки. Архимандриту Макарию было приказано, чтобы он ее оставил. Тем не менее, убежденный в богоугодности этого дела, архимандрит Макарий продолжал трудиться над переводом (см. [6. С. 207–240]). Он мечтал посвятить этому остаток своей жизни и еще в 1843 г. просил у Синода «разрешения отправиться в Иерусалим, где предполагал в Вифлеемской пещере блаженного Иеронима или в другом каком-нибудь иерусалимском месте» [4. С. 23] заняться переводческими трудами. Разрешения не последовало, но и в Болховском монастыре в свободное от настоятельских забот время (т.е. преимущественно ночью) архимандрит Макарий просматривал и выверял свой перевод. Наконец в 1846 г. Синод дал согласие на его отъезд в Святую Землю.

Но перед самым отъездом, когда все сборы в путь были окончены, архимандрит Макарий тяжело заболел. «С благоговейным настроением готовился он к смерти. За день до кончины в келлию его принесли Святые Дары, чтобы причастить его. В самый день кончины Макарий молча и неподвижно лежал на кровати. Смерти его ожидали ежеминутно. Вдруг он какою-то внутренней таинственной силой быстро поднялся с возглавия, сел, и словно яркий луч озарил его. Он громко и твердо сказал: „Свет Христов просвещает всех“, — и тотчас склонил голову; его бросились поддерживать, положили на подушку, и он тихо отошел к Богу 18 мая 1847 г., 55 лет от роду» [4. С. 24].

II

Среди исторических источников о болховском периоде жизни архимандрита Макария свое место должны занять и некоторые страницы дневника М. В. Киреевской 1846–1847 гг. Рукопись этого дневника (несколько мелко исписанных с обеих сторон тетрадных листов) хранится в Рукописном отделе Российской Государственной Библиотеки [7]. Этот источник не только не опубликован¹, но и, по сути, не введен в широкий научный оборот (хотя нельзя сказать, что он совершенно неизвестен исследователям: на него ссылаются, например, В. А. Кулешов в своей книге «Славянофилы и русская литература») [8. С. 24].

¹ М. О. Гершензон, собиравшийся опубликовать дневник М. В. Киреевской в одном из выпусков «Русских Пропилеев», не успел осуществить своего намерения.

Имя Марии Васильевны Киреевской (1811—1858) известно гораздо меньше, чем имена ее старших братьев — философа и литературного критика Ивана Васильевича Киреевского (1806—1856) и собирателя русских народных песен Петра Васильевича Киреевского (1808—1856). Рядом с ними Мария Васильевна оказывается как бы в тени. Это и понятно: она никогда не занималась самостоятельной литературной деятельностью, вся ее жизнь прошла в семейном кругу (имеется в виду семья ее матери, сама Мария Васильевна замуж не вышла).

Родилась она 8 августа 1811 г. Ей едва исполнился год, когда 1 ноября 1812 г., заразившись тифом во время ухода за больными и ранеными в Туле, скончался ее отец. Раннее детство Марии Васильевны прошло в родовом имении Киреевских Долбино. В 1821 г. семья переехала в Москву для продолжения образования старших детей.

Здесь мать Марии Васильевны Авдотья Петровна (по второму мужу — Елагина) стала хозяйкой знаменитого московского салона, который, по словам К.Д.Кавелина, в 1820—1840-х годах служил «средоточием и сборным местом всей русской интеллигенции, всего, что было у нас самого просвещенного, литературно- и научно-образованного» [10. С. 135]. Этот дом стал родным для Н.М.Языкова, молодого Е.А.Боратынского. Близким родственником Киреевских был В.А.Жуковский. Авдотья Петровна доводилась знаменитому поэту племянницей, а по возрасту и сложившимся отношениям была для него фактически сестрой, их связывала самая искренняя и продлившаяся всю жизнь дружба. Жуковский принимал участие в воспитании ее детей и навсегда остался для них нравственным образцом и авторитетом. В одном из писем уже взрослая Мария Васильевна писала своему брату Ивану, что мнение Жуковского «дороже остального мира» [11. Л. 30об.].

М.В.Киреевская получила прекрасное домашнее образование. О его объеме и содержании дает представление листок с заданием на три месяца, сохранившийся в дневнике М.В.Киреевской 1825—1826 гг.:

«Франц.: перевести Сократа, грамматику и прочесть трагедию Вольтера. Немец.: Грамматика, прочесть 1 том истории Нидерландов, перевести Ундину. Англ.: прочесть Лалла Рук. Русск.: перевести Фенелона *Education des filles*, выучить 100 стр. стихов, всякий день по 3 страницы. Прочесть 5 томов Карамзина хорошенько и 4 тома Сисмонди. Кроме других пьес, выучить концерт Риса наизусть.

Франц. 1 раз в неделю в понедельник по 6 стр. пер<еводить> от 11 до 1. Немецк. 3 раза в неделю, вторник, четверг, суббота. Каждый раз по 10 стр. перевести и 25 прочесть, утро до 1 <часа>. Англ. 1 раз в понедельник вечером. Русск. 2 раза в неделю: среда, пятница по 15 стр. за раз; каждый раз по 9 стр. стихов. — 3 раза в неделю читать Карамзина от 5 до 7 после обеда. 2 раза в неделю Сисмонди от 9 до 11» [9. С. 17].

Обращает внимание фундаментальный характер получаемого М. В. Киреевской образования. Кроме обычных для дворянской де-вушки французского и немецкого¹, она изучает английский, причем владение иностранными языками не сводится к навыкам бытового общения. Мария Васильевна учит грамматику, а главное — учится переводить, осваивая таким образом и литературный русский язык. В этом методе обучения нельзя не увидеть влияния Авдотьи Петровны, которая была прекрасной переводчицей и до конца жизни посвящала переводам по нескольку часов в день. Образование М. В. Киреевской не ограничивалось языками, но включало в себя и достаточно серьезное изучение истории с помощью книг Карамзина, Сисмонди (вероятно, имеется в виду его многотомная история Франции). В плане обучения Марии Васильевны чувствуется влияние Жуковского. Иностранные языки она изучает, читая произведения, сыгравшие особую роль в творческой биографии поэта. Так, Мария Васильевна знакомится с повестью Ф. де ла Мотт Фуке «Ундина», с поэмой Т. Мура «Лалла Рук», переложения которых следует отнести к лучшим и программным произведениям Жуковского. Не случайно в плане обучения появляется и задание перевести «Трактат о воспитании девиц» (1687) Фенелона. Фенелон был в 1810–1820-х гг. любимым автором Жуковского, и поэт был убежден, что чтение французского писателя способствует «усовершенствованию души».

Таким образом обстановка, в которой протекала жизнь М. В. Киреевской, была исключительно благоприятной для раскрытия творче-

¹ В первой половине XIX в. женское домашнее образование, как указывает Ю. М. Лотман, «ограничивалось обычно навыком бытового разговора на одном-двух иностранных языках (чаще всего — на французском или немецком; знание английского языка свидетельствовало о более высоком, чем средний, уровне образования), умения танцевать и держать себя в обществе, элементарными навыками рисования, пения и игры на каком-либо музыкальном инструменте и самыми начатками истории, географии и словесности» [24. С. 264]. Заметим, что позже, в середине 1840-х годов, М. В. Киреевская приступила к изучению греческого, и в ее архиве сохранились выписки на греческом языке (см. [28. Л.

**М. В. Киреевская и Е. А. Елагина. Рис. В. А. Жуковского 10 октября 1839 г.
Государственный исторический музей, Москва.**

ских задатков и интеллектуальных способностей. Она сформировала у Марии Васильевны широкий культурный кругозор, начитанность, тонкий литературный вкус. От интеллектуального развития не отставало и развитие нравственное. Письма и дневники М. В. Киреевской рисуют образ духовно привлекательной девушки, нежно заботящейся о близких. Она преданно любила своих братьев, помогала им в литературных делах, переписывала их рукописи. Многие статьи Ивана Киреевского и многие записи народных песен из знаменитого собрания Петра Киреевского сохранились переписанные ее рукой.

В конце 1830-х гг. в семье Киреевских-Елагиных усиливаются религиозные настроения. И. В. Киреевский, через свою супругу Наталью Петровну, сближается с иеромонахом Новоспасского монастыря Филаретом (Пуляшкиным), с митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым), пользуется их духовными советами. В 1845 г. И. В. Киреевский знакомится с оптинским старцем иеромонахом Макарием (Ивановым) и вскоре становится его духовным сыном.

В это же время сходный путь духовных исканий проходит и Мария Васильевна. Она много времени уделяет молитве, усердно читает духовные книги¹. В середине 1840-х гг. М. В. Киреевская принимается за ведение дневника². Дневник этот — можно сказать, аскетический. Его основная цель — «внимание себе», отчет в словах, поступках и душевных движениях. Это — летопись внутренней жизни, труда над христианским устроением своей души. Первая запись имеет характерный заголовок: «1846 года 8 августа, день обновления». В этот день после исповеди и причащения Мария Васильевна была охвачена благодатной решимостью «устроить жизнь, как можно лучше, совсем обновиться» [25. Л. 1]. На первых же страницах дневника Мария Васильевна записывает «главное, что нужно делать» — это и ежедневное чтение Священного Писания, и совершение молитвенного правила, весьма обширного, и ежедневное ведение дневника («всякий день отдавать отчет дня» [25. Л. 1 об.]).

Она понимает, что на духовном пути необходим руководитель. Таким руководителем для Марии Васильевны становится архимандрит Макарий (Глухарев), живший в то время в Болхове, неподалеку от деревни Петрищево, где М. В. Киреевская проводила зимы вместе со своей матерью.

Мы не знаем, когда произошла первая встреча М. В. Киреевской с архимандритом Макарием. Ко времени начала ведения дневника (1846–1847 гг.) они были уже знакомы. На его страницах не раз встречаются записи о том, что Мария Васильевна весь день переписывала (или линовала листы для переписывания) для о. Макария³.

¹ Что даже испугало ее брата Петра: «Петр опять говорит, что он неохотно дает мне читать духовные книги, что они вредят мне, я никак не могу согласиться, они, может быть, не делают мне пользы, по моей вине, но как же могут вредить?», — записывает Мария Васильевна в своем дневнике 11 апреля 1840 г. [25. Л. 1].

² В архиве М. В. Киреевской сохранились отдельные листы дневника за 1840 г. [25. Л. 1–2]. Основная же часть дневниковых записей относится к 1846–1847 гг.

³ Например, запись 8 августа: «Весь день довольно прилежно переписывала для о. Макария» [25. Л. 2].

Речь идет, вероятно, о переписывании его проповедей или каких-то других текстов духовного содержания¹ — возможно, ветхозаветных переводов. В РО РГБ сохранились выполненные М. В. Киреевской списки Книги Иова и Книги пророка Даниила в переводе архимандрита Макария (см. [26], [27])². Здесь же (РО РГБ. Ф. 99. Карт. 19. Ед. хр. 11) хранится сделанный М. В. Киреевской список плана «Алфавита Библии» — обширного катена из библейских цитат, составленного архимандритом Макарием в качестве катихизическо-миссионерского поучения.

Поскольку в первом выпуске «Богословского сборника» Новосибирской епархии были опубликованы первые три части этого выдающегося памятника русской библеистики, позволим себе привести текст переписанного Марией Васильевной плана:

Алфавит Библии

А. Основание Христианской веры и Церкви есть Слово Божие в Священном Писании

Апостол Павел говорит верным Ефесской Церкви: Еф. II. 13, 19–22.

Спаситель говорит апостолам: Ин. XIV. 26; Мф. X. 20; Лк. X. 16.

Апостол Петр говорит: 2 Пет. I. 12, 21.

Апостол Павел в Первом послании к коринфянам: 1 Кор. II. 12–13.

– в Послании к галатам: Гал. I. 12, 15–16.

– в Первом послании к фессалоникийцам: 1 Фес. II. 13.

– во Втором послании к Тимофею: 2 Тим. III. 15–17.

Спаситель глаголет в Евангелии: Ин. XII. 48.

¹ Заметим, что традиция переписывания духовных книг была характерна для школы преп. Паисия Величковского и, в частности, для Оптиной пустыни. Благодаря ей, по выражению архимандрита Иннокентия (Просвирнина), «в русскую жизнь вернулась исконная рукописная традиция», был «возвращен опыт скрипториев» [22. С. 95, 96]. Характерно и то, что в этой школе особое значение придавалось изучению жизнеописания преп. Паисия Величковского (см. [22]). Как свидетельствует запись дневника, М. В. Киреевская читала это жизнеописание (изданное совместными трудами оптинского старца Макария и родных ей И. В. и Н. П. Киреевских) 17 февраля 1847 г. В РО РГБ сохранились рукописи М. В. Киреевской с выписками из святоотеческих и духовных книг, переписанные ею Библейские переводы архимандрита Макария. В Елагинском фонде имеется и список записок об архимандрите Макарии его духовной дочери Е. Ф. Непряхиной (текст их см. [17]).

² П. Бартенев сообщает, что М. В. Киреевская два раза полностью переписала весь перевод архимандрита Макария [23. С. 489].

Б. Иисус Христос есть ядро и сущность всего Священного Писания

Спаситель глаголет иудеям неверующим: Ин. V. 39, 40, 46

Пророк Исаяя говорит таким людям: Ис. XXXIX. 11, 12

Апостол Павел говорит о таких: Рим. X. 3, 4.

Спаситель по воскресении говорил двум ученикам на пути в Еммаус:
Лк. XXIV. 25-27

Апостол Павел говорит коринфянам: 1 Кор. II. 1, 2; 1 Кор. I. 22-24.

Апостол Павел писал колоссянам: Кол. I. 24-28.

Евангелист Иоанн говорит: Ин. XX. 31.

В. Слово Божие в Священном Писании есть свет всеспасительной истины, животворящая сила Божия, чистейшая и сладчайшая пища верующей души, всеоружие Божие против греха, дражайший дар любви Отца Небесного человекам

В книге Псалмов написано: Пс. XVIII. 8–12.

Апостол Павел говорит: 1 Кор. II. 4, 5; 1 Кор. I. 18.

Корнилий сотник именем всего собрания сказал Петру-апостолу:
Деян. X. 33–44.

Апостол Павел говорит: Евр. IV. 12.

Апостол Петр говорит: 1 Пет. I. 22–25; 1 Пет. II. 1–3.

И Псалмопевец говорит, прославляя Слово Божие: Пс. CXVIII. 151, 160, 138, 96, 129, ст. 140, ст. 105, 130, 127, 162, ст. 14, 92, 143, 50, 9, 11, 24; III. 54, 103; Пс. XCIII. 12.

И еще: Ин. XV. 14, 15.

И книге Второзакония Господь глаголет: Втор. XI. 15, 19.

Г. Спаситель верующим в Него и молящимся отверзает ум к разумению Писания Духом Святым, проповедующим и оплодотворяющим в сердцах наших Слово Божие

В книге Притчей сказано: Прит. III. 5.

Апостол Иаков говорит: Иак. I. 5.

Спаситель по воскресении говорил собранию Апостолов: Лк. XXIV. 44, 45.

Спаситель также глаголет в Евангелии: Лк. XI. 9-13.

И еще: Мф. XI. 25, 26

И в книге Второзакония говорит Господь: Втор. XIII. 5.

И в Книге пророка Исайи Господь говорит Церкви Нового Завета: Ис. LIV. 13; Ис. XXIX. 18.

И в Евангелии: Мф. XXVIII. 8.

И в книге Псалмов говорит Господь: Пс. LXXX. 11.

В сей же книге Дух Святой способствует нам молиться о спасительном разумении Слова Божия сими образами: Пс. CXVIII. 12, 18, 19, 25, 26, 28, 29, 30, 63. ст. 35, 68. 66. 71. 72. 73. 74. 77. 79. 88. 94. 97. 114. 125. 132. 133. 135. 148. 163. 165. 169. 171. 172. 174. 175. 176.

Сам Спаситель молит Отца Своего о верующих в Него и любящих Слово Его: Ин. XVII. 8. 11. 17. 19

Д. Бог в Священном Писании открывается нам, что Он есть «Есмь», самосущий, вечный, живой, осуществляющий все, Творец и Вседержитель. Всякая тварь и все творение свидетельствует о существовании Сотворившего все.

Пророк Исайя говорит: Ис. XL. 26.

Апостол Павел говорит: Рим. I. 20.

Пророк Давид говорит: Пс. XVIII. 2–5.

В книге Исход написано: Исх. III. 13–15.

И в Апокалипсисе: Ап. I. 8.

И в книге Второзакония: Втор. XXXII. 40.

И Псалмопевец говорит: Пс. LXXXIX. 1, 2.

И в книге Бытия написано: Быт. XXI. 33.

И в Апокалипсисе: Апок. IV. 18. 11.

Пророк Давид говорит: Пс. XXV. 10.

Апостол Павел говорит: Деян. XVII. 28; Рим. XI. 36.

Е. Он есть «Есмь», самосущий, осуществляющий все, вечный и живой Дух.

Спаситель глаголет в Евангелии: Ин. IV. 24.

Ж. Он есть «Есмь», самосущий, осуществляющий все, вечный, живой, Дух, вездесущий.

Пророк Давид говорит: Пс. CXXXVIII. 1. 7–12.

В книге Пророка Иереми: Иер. XXIII. 23, 24.

Пророк Давид говорит: Пс. CXLIV. 18.

3. Он есть «Есмь», самосуший, осуществляющий все, вечный, живой, Дух, вездесущий, всеблагий.

В книге Хвалений сказано: Пс. CXLIV. 9; Пс. XXXII. 5. Пс. CXLVI. 1.

Спаситель глаголет: Мк. X. 18.

Возможно, что по этому плану архимандрит Макарий собирался перерабатывать свой «Алфавит Библии» или писать его новую рукопись (поскольку прежняя, посланная миссионером московскому генерал-губернатору Д. В. Голицыну, в 1842 г. была удержана Синодом и стала недоступной для автора [6. С. 233–239]). Возможно также, что этот план представляет собой конспект первой и второй части «Алфавита Библии», сделанный Марией Васильевной для самой себя.

Дневник М. В. Киреевской сохранил описания двух ее встреч с архимандритом Макарием в Болхове. Эти записи доносят до нас устное слово подвижника-миссионера, свидетельствуют о последних месяцах его жизни и о его деятельности как старца и духовника. Темы его наставлений, записанных Марией Васильевной, характерны для старческой традиции — о непрестанной молитве, о том, чтобы быть непрестанно в присутствии Божиим.

Дневник ценен не только тем, что в нем сохранились описания встреч с архимандритом Макарием, но и запечатленным в нем образом самого автора — Марии Васильевны Киреевской, одной из замечательных русских женщин 19 столетия. Н. И. Цимбаев еще в 1986 г. указывал на то, что «замечательной особенностью славянофильского кружка, которая еще ожидает изучения, было активное и равноправное участие в его делах женщин» [19. С. 78]. Мария Васильевна была одной из них. И хотя она, конечно, не участвовала напрямую в литературной или кружковой полемике, в ее дневнике нашли отражение вопросы, живо занимавшие русское образованное общество 1830–1850-х годов, в частности, вопрос об освобождении крестьян. Дневник свидетельствует о глубоко христианской настроенности ее души: обо всем — об отношениях с родными, соседями, о ведении хозяйства и отношениях с крестьянами она старается размышлять в свете Евангелия.

Ниже мы приводим несколько выдержек из дневника М. В. Киреевской. Орфография и пунктуация приближены к современным с сохранением некоторых особенностей авторского написания. Сокращения раскрываются в угловых скобках.

**Из дневника М. В. Киреевской
(1846—47 гг.)**

10 (августа. — Д.Д.). Вст<ала> $\frac{1}{2}$ 6-го, правда, что легла $\frac{1}{2}$ 12. М<олитвы>, Ак<афист> и К<анон> А<нгелу> Х<ранителю> — потом Еван<гелие> прочла от Марка <...> Остальное все утро вязала чулок. — После обеда читала Местра¹, — удивительный он, — и покуда я не нахожу в нем софизм, хочется сделать экстракт из него, чтобы полнее понять и отдать себе отчет в мыслях — он заставляет думать. — Потом письмо от<ца> Мак<ария> — незаслуженное и очень было совестно. — Потом в 5 я пошла писать письма и до 11 не написала ни одного! — И лень, и рассеянность, и самолюбие! — Глаза устали без пользы.

<...>

4-е (сентября. — Д.Д.). Опять поздно, в 8 встала. Петерсоны² уехали. Прочла Ев<ангелие> Мат<фея>. — Потом весь день линовала, внизу со всеми. Пав<ел> Ив<анович> Черкасов³, очень милая наружность, — сначала все говорит в его пользу — но проведши с ним целый день, так грустно, так тяжело станет на сердце, так жаль его! — Такая пустота, — полное отсутствие всякого сильного желания — старание даже кажется все заглушить в себе — смешался и не умел отвечать на вопрос, к чему больше он имеет склонность, чем больше любит заниматься?

Бедные молодые люди! Самые лучшие годы жизни они проводят в самых пустых ничтожных занятиях, — не возвышающих ни их души, ни их сердца, — поневоле они тупеют, — и выходят на поприще жизни уже ослабленные без твердой опоры. — Счастливы, если еще почувствуют, что они слабы — что им нужна подпора веры и знания. — Главное веры! — А эти легкие насмешки, эти шутки — ничего хорошего не предвещают. Бедные дети! конечно не они виноваты! и не родители, которые заботились о их благе, — и вместо добра сделали зло! по неведению! Страшно это! ходим мы с слепыми глазами. — И вместо добра делаем зло! Господи! научи нас оправданием Твоим!⁴

¹ Жозеф де Местр (1754—1821) — французский религиозный писатель.

² Родственники Елагиных-Киреевских.

³ Сосед Елагиных-Киреевских по имению.

⁴ Ср. Пс. 118, 12.

5. Проснулась в 5, обрадовалась, но не встала и продремала до 7. <...> О Батенькове¹, какое счастье бы было лелеять, ходить за ним! Теперь можно ему писать, — знать о состоянии его души, верно верующей! — Да, это одно утешение в жизни, большое, главное, что все делается по воле Отца, и влас главы нашей не падет без Его воли!²

¹ Гавриил Степанович Батеньков (1793—1863). Батеньков познакомился с отчимом М. В. Киреевской А. А. Елагиным во время заграничных походов 1812—1814 гг.: они были сослуживцами по 13-й артиллерийской бригаде. Их приятельские отношения быстро переросли в дружбу, которая, как говорил Батеньков, «выходит за пределы обыкновенного товарищества» [18. С. 157]. Ту же привязанность Батеньков распространил и на семейство своего друга, которое было для него прибежищем «среди изъязвленного страданиями бытия». «...вы для меня есть то, без чего я перестаю быть я», — признавался он А. А. и А. П. Елагиным в 1819 году [18. С. 129—130]. В 1822—1825 гг. Батеньков во время служебных отпусков жил у Елагиных в Москве. Он был крестным отцом их первенца Василия и дочери Елизаветы.

Во время приездов к Елагиным Батеньков часто видел М. В. Киреевскую и, кажется, подумывал о женитьбе на ней (Марии Васильевне шел пятнадцатый год и, следовательно, она была на выданье). Умная и развитая девушка с чистым и добрым сердцем не могла не вызвать симпатии у будущего декабриста. «Будучи ребенком, она резко рисовалась в моей молодости», — вспоминал он позже [29. С. 69]. Вспоминал декабрист и о том, как «часто встречал новый год» с «милым ребенком», приезжая к Елагиным в отпуск в 1823, 1824 и 1825 гг. [18. С. 234]. Шутливый разговор, произошедший во время одного из этих приездов, Маша Киреевская записала в свой дневник 4 января 1825 г.: «Я заметила, что мне надобно стараться убежать шутки, потому что сегодня за обедом Батеньков у меня спрашивал, какой я нации, и я отвечала в шутку — никакой, он принял это за серьезное и подумал, что я не знаю, какой я нации» [9. С. 23].

Общение Батенькова с Елагиными прервалось его арестом 28 декабря 1825 г. После катастрофы 1825 г. Жуковский хлопотал о нем. Авдотья Петровна, благодаря за эти хлопоты, писала поэту в 1826 г.: «Об Батенькове не говорю; для него что вы делаете, то прямо я беру себе» [20. Л. 1]. В течение двадцати лет Елагины о Батенькове ничего не знали. Незвестность закончилась в 1846 г., когда Ал. Лучшев, бывший проездом в Москве, рассказал П. В. Киреевскому, что Батеньков живет в Томске. Вновь завязалась переписка (с Авдотьей Петровной и ее детьми, А. А. Елагин умер в 1846 г.). Из дальнейшего текста дневника (см. далее запись от 23 марта) видно, что, обжившись в Томске, Батеньков сделал предложение М. В. Киреевской, которое не было принято. После возвращения из ссылки Батеньков решил поселиться в Петрищеве. Узнав об этом, М. В. Киреевская писала Е. И. Елагиной: «Слава Тебе, Господи! Уповаю на милость Божию, что Гавриилу Степ<ановичу> хорошо здесь будет, дай Господи! — и наша жизнь оживится его деятельностью!» [30. Л. 12]. В Петрищеве Г. С. Батеньков и похоронен — как завещал, рядом с могилой А. А. Елагина.

² Ср. Лк. 21, 18.

и все несчастья, все горе души переносить с покорностью, с бодростью, — как послушные, прилежные и любящие отца дети принимают, не поморщившись, горькие лекарства и учат трудные уроки и пр. и пр. <...> После обеда приехал брат Иван, — бледный, худой, усталый!¹ Мам<енька> стала просить о Сер<гее> С<тепанове>² — со слезами, мне неприятно было видеть эти слезы. — а Мам<еньке> казалось

¹ «Брат Иван» — И. В. Киреевский. Время с весны 1845 г. по осень 1846 г. он провел в Долбино, стараясь поправить здоровье, подорванное усиленной работой, беспокойствами и заботами, связанными с изданием журнала «Москвитянин», редакцию которого Киреевский попытался принять у М. П. Погодина в 1845 г. Выпустив два номера и подготовив третий, Киреевский был вынужден оставить журнал и уехать в деревню для укрепления здоровья. Поправиться ему не удалось, недаром М. В. Киреевская с тревогой замечает, что брат выглядит «бледным, худым и усталым». Тяжелый для Киреевского 1846 г. закончился еще одним ударом — кончиной Н. М. Языкова, и весной 1847 г. Киреевский заболел окончательно. 20 апреля он слег, а в мае был фактически при смерти. Несколько оправился Киреевский только к началу июня. Свое выздоровление он позже называл «воскресением из мертвых» (в письме А. И. Кошелеву от 30 декабря 1847 г. [РО РГБ, ф. 99 Елагиных, карт. 7. Ед. хр. 50, л. 1]). Как сообщает В. Афанасьев, М. В. Киреевская в июле 1847 г. по обету о выздоровлении брата совершила пешее паломничество в Киев — «дошла в три недели» [13. С. 50].

² Крепостной крестьянин Сергей Степанов был управляющим в родовом имении Киреевских Долбине на протяжении приблизительно тридцати лет. В 1837 г. после семейного раздела во владение Долбиным вступил И. В. Киреевский и обнаружил, что Сергей на посту управляющего воровал и наживался на этом. Когда Сергею было объявлено о снятии с должности, тот повел себя вызывающе — отказался платить небольшой штраф, хотя имел значительные средства. В результате он был отправлен жить в дер. Черемошняя, а часть имущества его была пущена с аукциона в счет долга. Все это взволновало не только Киреевского, но и его родных. Авдотье Петровне, кажется, представлялось, что сын поступает слишком строго. М. В. Киреевская считала, что Сергей наказан правильно. «Мне кажется, что ты поступил совершенно справедливо, — писала она брату, — нельзя было оставить его без наказания, и то, что ты назначил ему, мне кажется совсем нестрогим, не мог же он вдруг обеднеть так, чтобы не быть в состоянии заплатить 500 рублей, наживши несколько тысяч. — Действуя так, ты только исполнил долг свой, и я знаю, что это тяжело для тебя было, и тебе гораздо бы легче простить и отпустить его, куда хочет. Но что же делать, если часто долг велит действовать против желания сердца. И мне жаль было бы, если бы ты, увлекшись сердцем, не исполнил своего долга» [12. Л. 33–33об.]. В 1846 г. с Сергеем опять приключилась неприятная «история», и Авдотья Петровна, как видим, вновь просила за него. В письме к матери, относящемся к началу 1847 г., Киреевский пишет, что готов сделать для Сергея что возможно, но дело его уже передано в Калужскую палату [14. Л. 25–25об.].

неприятно было мое жестосердие в отношении к Сер<гею> С<тепанову>. Я говорила, что его не должно спасать, что он сам погубил себя, оставить действовать закон. — Иван брат рассказал всю историю <...> — кажется, Мам<енька> увидела, что он не так невинен, как ей кажется, — брат говорил, что в иных случаях милосердие есть слабость, что оно также вредно, как и само преступление! — Он говорил о тяжести управлять имением, — о тяжести и необходимости наказания, когда отец наказывает сына, себя самого он больше <нрзб>, между тем это необходимо! Чрезвычайно было грустно прощаться с ним. Один Бог знает, когда теперь мы увидимся. И он такой был расстроенный, — кажется, вполне чувствовал всю тяжесть своего положения — и всю трудность исполнения долга!¹ — Господи! Тебе все возможно, помилуй, благослови, помоги ему!

<...>

7-е. Проснулась еще темно, — но увы! опять заснула и проспала до 9-ти! всякий день хуже! Весь день переписывала для о. Макария. — Вечером письма. Вчера меня весь день мучила мысль, нужны ли наказания или у христиан можно без них обойтись? — В нынешнем Апостоле Павел приказывал отдать сатане во измождение плоти, да дух спасется!² — Следовательно, страдания плоти спасают душу, — потом Бог не просто прощает грешников, но за страдания Своего Сына, следовательно, удовлетворяя Своему правосудию. Господи! Господи! кто постоит? — Помилуй, прости нас грешных!

8-е. Была у обедни. — Потом читала Ев<ангелие> от Л<уки>, гл<ава> 6. Никогда не читала я так много сряд<у>; — и никогда не делало оно на меня такого сильного действия: казалось, Сам Бог глаголал! <...>

9. Увы. Встала поздно в 9! Прилежно писала весь день. Проповедь: Духа не угашайте³. — Опять не писала журнал.

¹ К своим обязанностям помещика И.В. Киреевский относился весьма совестливо. Необходимость применить наказание ввергала его в мучительное состояние. Он «боялся быть или несправедливым, или слишком слабым» [15. С. 195] и тем самым потакать греху. Не раз в таких случаях он обращался за советом к своему старцу — Макарию Оптинскому. В одном из писем по этому поводу старец писал ему: «Милость и суд воспеваает Давид Господу. Нужно и то и другое, но я не могу законополагать, а только изъявляю мое сожаление и желаю, да подаст Господь вам всем мир, здравие и спокойствие <...>» [16. Л. 28].

² 1 Кор. 5, 5.

³ 1 Фес. 15, 19.

10. Встала в 7. Рассеянно помолилась. Когда подумаешь, что за бессознательная была моя жизнь! И называлась еще христианкою! А что сделала для Христа? Ничего! — Читала с удовольствием духовные книги, но <нрзб>. Читала безо всякой пользы, бессознательно, — ничего не помню, — спала и нежилась, и делала только то, что мне приятно было! — Господи, и теперь тоже, — но есть сознание, что это дурно, желание переделать себя, надежда и вера в Твою помощь! Дай мне, Господи! познать Тебя! путь вслед Тебя с ревностью, без преткновения! — Научи мя оправданием Твоим!¹

Совсем мы живем отдельною жизнью от наших крестьян, не сочувствуем с ними нисколько, — не знаем их. Как бы это сделать? И пройти по деревне случается так редко! — Приучить к себе сперва детей, — а через них завести знакомство и с матерями! — Но и детей мы никогда не видим! Господи! даруй нам устроить жизнь по Твоей воле — и не ходить в похотех сердец наших². <...>

3 окт<ября>. <...>

Встала поздно 1/2 9-го! Целый день вязала чулок, грустно как-то очень было! — Прекрасное поучение о молитве! — Повторение слов С.Гр.³ — Теперь это кажется так естественно и так справедливо, —

¹ Пс. 118, 12, 26.

² В 1837 г. М.В.Киреевская писала в письме брату, что «это скучная, тяжелая должность помещика, может быть, <даже> одна из самых тяжелых на свете при теперешнем порядке вещей <...> Жалко, а иногда и горько смотреть на здешних помещиков. Трудятся, из кожи вон лезут, и все для одних денег, а о мужиках совсем и не заботятся, приказчики могут притеснять их, как хотят, им и дела нет» [12. Л. 34]. Раздумья о том, как улучшить положение крестьян, во второй половине 1840-х гг. привели М.В.Киреевскую к решению дать своим крепостным вольную (за выкуп, по закону о вольных хлебопашцах) — «и мужики будут счастливы, и я избавлюсь от страшной ответственности», — надеялась она [25. Л. 4об]. Это решение не было поддержано ее братьями, которые считали, что такими действиями она только ухудшит положение крестьян, предоставив их произволу государственных чиновников. И.В.Киреевский написал ей обширное письмо, в котором объяснял, что и сами крепостные этого страшатся: «...они говорят, что живут под твоим крылом, как у Христа за пазухой, перемены всякой боятся». Такого же мнения придерживались П.В.Киреевский и А.И.Кошелев (переписку см. [21. Т. 2. С 241–245] и [12. Л. 16–21об]).

³ Протоиерей Сергей Григорьевич Терновский († 1868) — магистр Московской Духовной Академии, известный московский проповедник и духовный писатель. Он был духовным отцом М.В.Киреевской. М.В.Киреевская помогала ему в литературных трудах. Так, в 1853 г. она, специально приехав для этого в Москву, помогала ему в работе над «Сборником, состоящим из бесед на весь Катехизис» [30.

отчего же прежде я не понимала этого, хотелось вдруг сверхъестественной, духовной жизни, вдруг взлететь на высоту, о которой еще не имею и понятия! Я хотела, чтобы не работавши работа была кончена, — никогда не сосредотачиваясь среди рассеянных, пустых мыслей, — в совершенном неведении самой себя, окружающего мира, и тем паче Бога, — я думала, возможно молиться высокою, совсем отделившею от земли молитвою! — Безрассудное невежество и вместе гордость! — Только сердце сокрушенно и смиренно Бог не унижит!! <...>

7 окт<ября>. Встала поздно, в $\frac{1}{2}$ 8.00 — проснулась гораздо прежде, почти целый час!!! — Днем писала, вечером шила. — Ежилась от холода, — сыро и темно, но не так было грустно как вчера, может быть, потому что писала эти утешительные прекрасные тексты!

<...>

10 окт<ября>. <...> Почти до 12 читала Стурдзу², — много нашла прекрасного, полезного в этой книге, — но вместо чтения мне бы надобно было писать для о. Макария. Мало сегодня написала, — вечер в гостиную из пустого в порожнее переливали — так теряем мы время!

Л. 7об]. В качестве материала для сборника использовались изречения Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Тихона Задонского, Платона Московского, Илии Минятия и др., и М.В.Киреевская делала выписки из их сочинений.

В данной дневниковой записи, вероятно, имеется в виду письмо протоиерея Сергия Терновского М.В.Киреевской, в котором он дает ей советы относительно молитвы: «Мысль о недостойности молитвы справедливо Вам кажется искусительною. Кто же может быть достоин, чтобы беседовать с Существом всесвятым и бесконечным. Все наше достоинство в Христе Иисусе. Доныне Его святейшим именем мы, несмотря на множество грехов, можем с полною надеждою приступать в молитве к Богу, Его Отцу неизреченно милосердому. — Умиление и мир даются от Господа. Со стороны человека в молитве требуется одно, чтобы она не была невнимательною и небрежною. Лучше кратко помолиться, но так, чтобы и ум ощутил присутствие Божие, и сердце участвовало в том, о чем молитесь. На сей раз я Вам советую прочитывать каждое утро по главе из 1-го послания Иоанна Богослова — и по прочтении произносить внимательно несколько раз следующие два краткие прошения:

Господи Христе, даждь мне познать и возлюбить Тебя.

Господи Христе, даждь мне веру и научи меня молитве.

Первую молитву произносить четыре раза, а вторую три с земными поклонами.

Простите 11 час<ов> 6 августа» [31. Л. 2–2об.] <1847>.

¹ Пс. 50, 19.

² Александр Скарлатович Стурдза (1791–1854) — русский духовный писатель.

<...>

8 ноября. Давно не писала! — Думалось, зачем повторять всякий день одно и то же: вставала в 8-м часу и целый день переписывала — ничего не читала — но были разговоры, доходившие до сердца, — желания, мысли, — напрасно, дурно сделала, что столько времени не отдавала себе отчета. — 16 дней жила спустя рукава, — ничего от себя не требуя и не замечая за собою, — как машина работала, — приходила минутами в себя, но ненадолго. — 5-е вечером Николе было дурно, невыразимо мы все испугались <...>. Когда бы мы могли помириться с смертью, с этою безвременною разлукою! — Отпустить в дальний путь — и ничего не знать, — верить только, что отпускаешь к Благому Отцу, — только! разве этого мало! — Но нам, остающимся, тяжела разлука, тяжело не сообщаться, — ничего для них не делать. Но что же ты делаешь для живых? как общаешься с ними? — Что задушевное делишь с ними? — Одно наружное, — не от скрытности, а от нищеты, — внутреннего, задушевного, так мало, так неотчетливо, что нечем делиться!

Святые являлись друг другу, потому что у них была духовная, внутренняя жизнь общая.

12. Опять 4 дня не писала! Воскр<есенье> 10-е. — Все утро писала письмо, грустно и тяжело мне было, — думала, что за жизнь: где всякую минуту можно ждать смерти! — Самой умереть еще кажется не так страшно, — как расстаться с любимыми. Так и земная разлука для уезжающих не так тяжела, как для остающихся!¹ <...> Вечером пришло в голову: что если бы мне отдали Сашурочку²! И я, и она были бы счастливы! Как бы совестливо, а главное — с какою бы любовью занялась бы ею, — старалась бы образовать ее достойно дочери брата Ивана, — внушила бы ей охоту к учению и к занятиям, — желание усовершенствоваться, идти вперед! Старалась бы вселить в нее истинное благочестие, — дала бы ей силы на будущее. — Я промечтала почти до 3: как бы мне полезно было самой присутствие милого

¹ Подобные переживания, смутное ожидание подстерегающего родных несчастья, были весьма характерны для Киреевских-Елагиных. «Во всей семье нашей господствующее, ежедневное чувство есть какое-то напряженное боязливое ожидание беды», — писал И. В. Киреевский брату в 1830 г. [21. Т. 2. С. 218]. На духовной атмосфере семейства Киреевских-Елагиных лежала та же «печать меланхолии», что и на поэтическом мире В. А. Жуковского, столь близкого Киреевским по крови и по духу. Рассуждения М. В. Киреевской о смерти как о разлуке перекликаются с некоторыми мыслями В. А. Жуковского.

² Дочь И. В. Киреевского, 1838 г. рождения.

ребенка, на которого я старалась бы действовать примером. — Вчера понед<ельник> прилежно шила, и увы, опять все мечтала! — несбыточно это, — а как бы хорошо.

<...>

29. <...> Вечером Вася¹ читал нам Мицкевича² — поэтические прекрасные мысли, смешанные с софизмами, — перечту его одна.

3 Дек.<абря>. Вчера я ездила к о. Макарию. Долго не решалась, все растаяло, и я боялась дороги, думала, что это будет против воли Т<воей> так неблагоразумно поступать, не знала, на что решиться, — но ни Мам<енька>, ни Петр и никто из моих не удерживали меня, и я обрадовалась тому, что никто не противоречил мне, — велели закладывать и поехали в 9 час. — Благополучно, хорошо съездили, слава Богу! — Мак<ария> нашла окруженного Болховскими — он очень мило меня ласково принял. — Но между тем занят был с ними, — много прекрасного он говорил им, между прочим одной: когда поутру ты встаешь, то отворишь окно, чтобы осветить и освежить комнату — так и душу, чтобы осветить ее, надобно помолиться, впустить в нее лучи солнца, освещающего и согревающего. — Другой: зажги лампадку в сердце, — чтобы огонь любви и молитвы беспрестанно теплился. — Не давай ему угаснуть, — и даст тебе Господь непрестанную молитву! и проч. — Я с ним мало успела говорить и ничего не сказала из того, что хотелось сказать! — Он мне сказал: Вы живете в кругу, в котором все умничают, — есть безумные, которые говорят: нет Бога!³ Но это явные безумные, — но и те, которые умны, не дают себе порядочного отчета, во что они верят, им некогда. — Хотя бы затвердили одно: что Бог сотворил мир и человека, что Он премудр, что Он Отец благой, милосердый, и потому не бросит нас сирыми беспомощными. Он дал нам Слово Свое, чтобы не оставить нас при одном нашем разуме, который легко заблуждается. — Признавши раз это, мы всем сердцем

¹ В. А. Елагин (1818–1879) — сводный брат М. В. Киреевской.

² Адам Мицкевич неоднократно посещал дом Киреевских-Елагиных во время своего пребывания в Москве в 1827–1828 гг. В дневнике М. В. Киреевской второй половины 1820-х годов под 19 февраля 1828 г. рассказывается об одном из этих посещений: «Вечером мне было весело. У нас были Мицкевич и Матюшкин. Они оба интересно и хорошо говорят. Мицкевич много говорил о Польше, как это должно быть ему тяжело, бедный изгнанный». Благодаря именно А. П. Елагиной состоялось знакомство с Мицкевичем В. А. Жуковского (см. Русский архив. 1898. № 1. С. 83).

³ Ср.: Пс. 13, 1.

должны изучать Его Слово, — верить, надеяться, любить! — Если мы любим людей за их хорошие качества, тем больше Бога, совершенного, святость Которого слабо отражается в нас.

1847

<...>

20 (февраля. — Д.Д.) Встала в 6 — в 8 уехала в Болхов. <...> В 12 была у о. Макария. Святой он человек. — Жаль, что я не умела с ним говорить, открыть б ему всю душу, — он сказал бы, что мне делать, — подкрепил бы! <...>

Как трогательно о. Макарий говорил на Иоанна «*да не смущается сердце ваше*» и пр.¹ — о беспрестанной молитве, беспрестанном присутствии Божиим, о Церкви — Единой, Апостольской, о Библии — каждое бы слово глубоко сохранила в сердце! — но немощны все мы, — все так скоро забывается и изглаживается! — Господи! милостив буди мне грешной! — Дай Своею любовью покоряться Твоей воле. — Благой Отец, не остави меня!

<...>

23 марта². Христос воскрес!

Воскресни, Господи, в душе моей! — Силою Твоею не дай мне погибнуть! — Не дай, не позволь, чтобы Тело и Кровь Твоя были мне во осуждение — но в жизнь! — Больше месяца прошло, как я причащалась Св<ятых> Твоих Таин — и ни одного обещания, ни одного желания тогда произнесенного я не исполнила. Ни разу не встала вовремя. Жила опять бессознательною, чувственною жизнью. Сколько раз опять заснула и провела всю ночь, не помолившись Тебе!!! Все от этой гадкой мечтательности! Сколько часов, дней, ночей я погубила,

¹ Ин. 14, 1 и след. Этот текст был начертан на дорожке для Елагиных-Киреевских могиле М.А.Протасовой. Как рассказывает келейник архимандрита Макария Орлов, в Болховском монастыре старец «сбоку своих покоев устроил молитвенницу для уединенного богомолния, по слабости своего здоровья; сделал приличный иконостас в алтарном виде и, по окончании постройки, принимал здесь приходящий к нему для духовной пользы градской и прочий народ, а дабы люди без пользы не проводили времени, он ввел в обыкновение чтение Псалтири и Евангелия попеременно, не спеша и гласно. Читальщики были из приходящего народа обоего пола, кто умел хорошо читать; чтение прерывалось его поучением народа» [17. С. 38]. Возможно, упомянутая проповедь архимандрита Макария была на только что прочитанное место Евангелия.

² Пасха 1847 года.

мечтая о пустяках, которые после самой совестно вспомнить, не только пересказать кому-нибудь! Без связи, без толку, даже глупо. — Потом почти во весь этот месяц меня мучила такая ненужность моей жизни, — уныние безрассудное, неблагодарное! — Конечно, прямое следствие моей порочной жизни, — совесть моя не может быть спокойна беспрестанным нарушением долга, — а чем больше дашь мне милости, тем больше взыщется. — Кроме этой безотчетной тоски — присоединилась еще — горе — и борьба чувств и мысли<й>. Письмо от Г<авриила> С<тепановича>. — Если бы оно пришло 10 лет назад, я не поколебалась бы ни минуты отдать ему всю мою жизнь! — Но теперь! теперь!

Иногда мне кажется, что Господь посылает мне это как испытание готовности служить Ему Единому! — Требует от меня жертвы! — А потом другое чувство говорит мне: что только любовь к ближним, самопожертвованием мы служим Ему достойно! — но если бы я могла служить Ему братскою любовью — а не другою! — Не эгоизм ли это? — не боязнь ли скорбей, неразлучных с брачным состоянием, удерживает меня и заставляет идти против того, что посылает Провидение. — Все делается по воле Его. — Если бы Г<авриила> С<тепанович> был наверху счастья, блеска, как он был прежде, — тогда бы я, не задумавшись, отказала ему, — но теперь огорчить его, — когда, может быть, это была мечта его двадцатилетнего заключения. — Ужасно мне горько. — Я готова бы была жить возле него его служанкою, ходить за ним во время его болезни, — <но> не быть женою, это состояние мне странно, я не понимаю его. Господи! научи меня, что мне делать. Покажи мне волю Твою! — когда бы я могла видеть ее ясно, — не рассуждая, покорила бы Твоей воле. — Потом опять мне кажется, не самолюбие ли это — думать, что в самом деле он со мною только будет счастлив, он не знает меня — быть может многое будет не по нем. — И тогда я еще больше погублю его. — Господи, научи меня творить Святую Твою Волю.

<...>

Источники и литература

1. *Флоровский Г., протоиерей.* Пути Русского Богословия.— Вильнюс, 1991.
2. *Гоголь Н.В.* Собрание сочинений: В 9-ти тт. Т. 9.— М.: Русская книга, 1994.

3. *Фонвизин М.А.* Сочинения и письма. Т. 2. / Изд. подг. С.В.Житомирская и С.В.Мироненко.— Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1982.
4. Архимандрит Макарий, основатель Алтайской Духовной Миссии // Вечное.— М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 1995.
5. Из духовного наследия алтайских миссионеров: Сборник / Сост., вступит. статья и прим. протоиерея Бориса Пивоварова.— Новосибирск: Православная Гимназия во имя Преподобного Сергия Радонежского, 1998.
6. *Чистович И.А.* История перевода Библии на русский язык.— М.: Российское Библейское общество, 1997 (репринт изд. 1899 г.).
7. РО РГБ. Ф. 99 (Елагиных). Карт. 25. Ед. хр. 11.
8. *Кулешов В.И.* Славянофилы и русская литература.— М.: Худ. лит-ра, 1976.
9. *Парилова Г.Н., Соймонов А.Д.* П.В.Киреевский и собранные им песни // Лит. наследство. Т. 79.— М.: Наука, 1968. С. 9—76.
10. *Кавелин К.Д.* Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников).— М.: МГУ, 1989. С. 135—148.
11. РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 67 (письма А.П.Елагиной И.В.Киреевскому).
12. РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 82.
13. *Афанасьев В.* Супруги Киреевские // Глаголы жизни. 1992. № 1.
14. РО РГБ. Ф. 99 (Елагиных). Карт. 7. Ед. хр. 31.
15. *Четвериков С., протоиерей.* Оптиная пустынь.— Paris: YMCA-Press, 1988.
16. РГАЛИ. Ф. 236, о. 1. Ед. хр. 90 (письма о. Макария, иеромонаха, И.В.Киреевскому).
17. Сборник исторических материалов о жизни и деятельности настоятеля Болховского Троицкого Оптиной монастыря Отца Архимандрита Макария Глухарева.— Орел, 1897.
18. *Батеньков Г.С.* Сочинения и письма. Т. 1.— Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1989.
19. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство.— М.: МГУ, 1986.
20. РО РГБ, ф. 104, карт. VIII. Ед. хр. 4.

21. Сочинения И.В.Киреевского. В 2-х тт.— М.: «Путь», 1911.
22. *Иннокентий (Просвирнин), архимандрит*. Школа Преподобного старца схиархимандрита Паисия Величковского и издательская деятельность Введенской Оптиной Пустыни // Оптина пустынь: монастырь и русская культура. Вып. 1.— М., 1993.
23. *Бартенев П.* Авдотья Петровна Елагина // Русский архив. 1877. № 8. С. 483—495.
24. *Лотман Ю.М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII в. // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII — нач. XIX в.).— М.: Школа «Языки культуры», 1996.
25. РО РГБ. Ф. 99. Карт. 15. Ед. хр. 54 (Киреевская М.В. Дневник 1840, апреля 11 и 12, <1847>).
26. РО РГБ. Ф. 99. Карт. 19. Ед. хр. 2 (Книга Иова. Список М.В.Киреевской с правкой переводчика).
27. РО РГБ. Ф. 99. Карт. 19. Ед. хр. 10 (Книга пророка Даниила. Список рукою М.В.Киреевской).
28. РО РГБ. Ф. 99. Карт. 24. Ед. хр. 76 (Разрозненные отрывки из богословской литературы, рукою М.В.Киреевской).
29. Русские Пропилеи. Т. 2. / Сост. М.О.Гершензон.— М., 1916.
30. РО РГБ. Ф. 99. Карт. 7. Ед. хр. 1 (Киреевская М.В. Письмо Е.И.Елагиной).
31. РО РГБ. Ф. 99. Карт. 23. Ед. хр. 1 (Письма С.Г.Терновского М.В.Киреевской).